

A cinematic photograph of a man in a dark coat standing on a cobblestone street in a rainy, old European town. The street is lined with stone buildings, some with balconies and lit windows. A cafe with an outdoor seating area is visible on the left, with tables and chairs. The scene is lit with warm, golden light from street lamps and cafe lights, contrasting with the cool, blue tones of the rain and sky. The overall mood is atmospheric and nostalgic.

Сергей Патрушев

КРОВЬ И ВИНО

Сергей Патрушев

Кровь и вино

«Автор»

2026

Патрушев С.

Кровь и вино / С. Патрушев — «Автор», 2026

В старую таверну, где дождь барабанит по черепице, а свечи отбрасывают дрожащие тени, однажды заходит мужчина, которого Элиана никогда раньше не видела. Он высок, бледен и смотрит на неё так, словно узнал в ней кого-то, кого потерял столетия назад. Элиана пришла сюда ради вина — своей тихой страсти, своего способа чувствовать мир острее, — но встреча с Адрианом меняет всё. Он не пьёт вина. Он не дышит. Он помнит вкусы, которых больше нет, и носит в себе триста лет одиночества. Он вампир. Но вместо страха Элиана ощущает искру — опасную, манящую, невозможную. Она предлагает то, чего не предлагал никто: соединить её любовь к вину с его жаждой крови, создать мост между смертным и вечным. То, что начинается как разговор в полупустой таверне, становится историей любви, которая перерастает в нечто большее — в общую винодельню, в общее дело, в общий смысл. Это роман о вкусах и воспоминаниях, о свете и тьме, о том, как две противоположные природы могут слиться в единое целое.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Кровь и вино

Глава 1. Вкус полуночи

Дождь барабанил по черепичной крыше таверны «У старого дуба» с той особой, монотонной настойчивостью, на которую способна только осенняя непогода. Внутри, впрочем, было тепло и даже уютно — ровно настолько, насколько может быть уютно в заведении, где половина посетителей прячет лица под низко надвинутыми капюшонами, а вторая половина делает вид, что не замечает ни первой половины, ни странных теней, отбрасываемых пламенем свечей. Элиана сидела в дальнем углу, у окна с мутноватым стеклом, по которому стекали дождевые струи, и медленно, почти медитативно вращала в пальцах бокал с красным вином. Она приходила сюда каждый вторник вот уже полгода, и за это время хозяин таверны, грузный мужчина по имени Бран, успел выучить её привычки: всегда одно и то же место, всегда одно и то же вино — терпкое, густое, привозимое откуда-то с южных виноградников, — и всегда один и тот же взгляд, устремлённый куда-то сквозь пространство, словно она видела то, чего не видели другие.

В тот вечер в таверне было немногочисленно. Пара заезжих торговцев спорила о ценах на зерно, старик в углу дремал над кружкой эля, а у стойки сидел человек, которого Элиана раньше здесь не встречала. Он был высок — даже сидя на высоком табурете, он возвышался над стойкой, — и одет в тёмно-серый плащ, явно дорогой, но порядком поношенный, с потёртостями на локтях и едва заметной штопкой на правом плече. Его лицо казалось вырезанным из бледного мрамора: резкие скулы, тонкий прямой нос, губы, сложенные в линию, выражавшую не то вежливое безразличие, не то глубоко запрятанную усталость. Волосы, чёрные как вороново крыло, были собраны в низкий хвост, открывая высокий лоб и виски, на которых, как показалось Элиане при мимолётном взгляде, пульсировала едва заметная голубоватая жилка. Впрочем, при свечах трудно было судить наверняка, да и она не имела привычки пристально разглядывать незнакомцев. Её интересовало другое: перед ним на стойке стоял бокал, и в нём плескалась жидкость слишком тёмная и слишком густая для вина. Элиана нахмурилась, но тут же одёрнула себя — какое ей дело до того, что пьют другие посетители?

Она снова уставилась в свой бокал, наблюдая, как вино оставляет рубиновые дорожки на стекле при каждом повороте. Вино было её страстью, её тихой одержимостью, её способом чувствовать мир острее и полнее. Она могла отличить виноград, выросший на восточном склоне холма, от винограда с западного склона; она знала, сколько лет пролежал напиток в дубовой бочке и был ли тот дуб обожжён изнутри; она могла с закрытыми глазами назвать сорт и год, просто вдохнув аромат. Вино было её языком, её поэзией, её единственным настоящим собеседником в те вечера, когда одиночество становилось слишком громким, чтобы его игнорировать. Сегодня одиночество звучало особенно отчётливо — быть может, из-за дождя, который словно отрезал таверну от всего остального мира, а быть может, из-за того странного незнакомца, чьё присутствие почему-то ощущалось кожей, как ощущается приближение грозы.

Она поднесла бокал к губам, сделала маленький глоток и прикрыла глаза, позволяя вину раскрыться на языке. Сначала — ягодная сладость, почти дерзкая, затем — терпкость, напоминающая о коже спелой сливы, и наконец — долгое, тёплое послевкусие с оттенком дыма и чего-то ещё, чего она никак не могла уловить. Может быть, розмарин? Или тимьян? Она нахмурилась, пытаясь разобрать последнюю ноту, и в этот момент услышала голос:

— Вы делаете это так, словно слушаете музыку.

Элиана вздрогнула и открыла глаза. Незнакомец стоял возле её столика — она не слышала ни шагов, ни скрипа половиц, ни движения воздуха, — и смотрел на неё с выражением, которое она не смогла сразу расшифровать. Это не было ни любопытством праздного зеваки, ни снисходительностью знатока, ни флиртом завсегдатая таверн. Это было что-то иное, что-то более глубокое и одновременно более отстранённое, как если бы он смотрел не на неё, а на какой-то редкий феномен, требующий изучения.

— Прощу прощения, — сказал он, и его голос оказался именно таким, каким она его себе представляла: низким, с лёгкой хрипотцой, обволакивающим. — Я не хотел вас напугать. Просто... я редко вижу людей, которые относятся к вину с таким вниманием. Обычно его пьют, а вы — вы его слушаете.

Элиана моргнула, прогоняя остатки вкусового транса, и ответила, быть может, чуть более резко, чем собиралась:

— А вы всегда подходите к незнакомым женщинам и комментируете их манеру пить?

Он не обиделся. Вместо этого уголок его губ едва заметно дрогнул, намечая улыбку — сдержанную, почти печальную.

— Нет. Почти никогда. Но сегодня — особый вечер. Дождь, пустая таверна и женщина, которая пьёт вино так, как будто от этого зависит чья-то жизнь. Это стоит того, чтобы сделать исключение.

Она не нашлась что ответить, и пауза затянулась. Он стоял всё так же неподвижно, не делая попытки ни присесть, ни уйти, и в этой неподвижности было что-то неестественное, что-то такое, от чего у Элианы по спине пробежал холодок, не имевший отношения к сквозняку. Она вдруг заметила, что его грудь не поднимается и не опускается — он, казалось, вообще не дышал. Впрочем, тут же одёрнула себя: глупости, просто плащ скрывает дыхание, просто свечи дают неверный свет, просто она слишком много выпила.

— Присаживайтесь, — сказала она неожиданно для самой себя. — Если уж нарушили моё уединение, так хоть объясните, что такого особенного вы увидели в том, как я пью.

Он сел напротив — плавно, бесшумно, словно его тело было сделано из дыма, а не из плоти и костей, — и положил руки на стол. Элиана невольно посмотрела на его пальцы: длинные, бледные, с безупречно чистыми ногтями и тонкими линиями, которые хиромант назвал бы линиями судьбы, но которые показались ей скорее линиями какой-то древней, забытой карты.

— Вы не просто пьёте, — заговорил он, глядя не на неё, а куда-то в пространство между ними, словно читая невидимую книгу. — Вы анализируете. Вы разбираете вкус на составляющие, как ювелир разбирает драгоценный камень, чтобы понять его природу. Вы ищете в вине то, чего большинство людей даже не подозревает. Это редкое качество. Я бы сказал — драгоценное.

— Вы говорите так, будто сами не пьёте вино, — заметила Элиана, кивая в сторону стойки, где остался его бокал с тёмной жидкостью. — Или то, что у вас в бокале, не вино?

На мгновение в его глазах промелькнуло что-то похожее на настороженность, но он быстро справился с собой.

— Вы наблюдательны, — произнёс он тихо. — Это не вино. Это... другой напиток. Не столь изысканный, как ваш, но по-своему необходимый.

— Лекарство? — предположила она с лёгкой иронией, хотя что-то внутри неё уже начало складывать разрозненные детали в картину, которая ей совершенно не нравилась. Бледность, неподвижность, тёмная жидкость, отсутствие дыхания — всё это складывалось во что-то слишком невероятное, чтобы быть правдой, и слишком логичное, чтобы быть просто совпадением.

— Можно сказать и так, — ответил он, и в его голосе прозвучала та особая интонация, с которой люди говорят правду, замаскированную под шутку. — Лекарство от одного очень древнего недуга.

Элиана отпила ещё вина, на сей раз больше, чем позволяли правила дегустации, и почувствовала, как тепло разливается по телу, придавая ей храбрости.

— Вы говорите загадками, — сказала она. — У вас есть имя, загадочный незнакомец? Или вы предпочитаете оставаться безымянным духом этой таверны?

— Адриан, — ответил он просто. — Моё имя Адриан. И я не дух, хотя, признаться, иногда чувствую себя именно так.

— Элиана, — представилась она в ответ, протягивая руку через стол. Это было импульсивное движение, и она тут же пожалела о нём, потому что когда его пальцы коснулись её ладони, она ощутила холод — не тот обычный холод, который бывает у замёрзшего человека, а холод глубинный, могильный, такой, какой, наверное, хранят камни древних склепов. Она едва не отдёрнула руку, но воспитание и гордость заставили её выдержать рукопожатие до конца. Адриан, впрочем, всё заметил — она увидела это по тому, как едва заметно сузились его зрачки.

— Простите, — сказал он, отпуская её ладонь. — У меня всегда холодные руки. Плохое кровообращение.

«Или его полное отсутствие», — подумала Элиана, но вслух произнесла другое:

— Бывает. Мой дед говорил, что холодные руки — признак горячего сердца.

— Ваш дед был мудрым человеком, — серьёзно ответил Адриан. — Но я не уверен, что в моём случае это правда.

Они замолчали. Дождь за окном усилился, и теперь его шум напоминал дробь сотен маленьких барабанов. Торговцы наконец договорились и ушли, старик проснулся и заказал ещё эля, а хозяин таверны Бран протирал кружки за стойкой, время от времени бросая любо-

пытные взгляды в их сторону. Элиана чувствовала, что между ней и этим странным человеком возникло какое-то напряжение — не враждебное и не романтическое в обычном смысле этого слова, а скорее похожее на электрический заряд, натянутый между двумя полюсами, который вот-вот должен был разрядиться либо разговором, либо чем-то большим.

— Почему вы пьёте это конкретное вино? — спросил вдруг Адриан. — Я видел, как вы изучали его вкус. Что вы искали?

Элиана задумалась. Ей редко задавали такие вопросы, и ещё реже она была готова отвечать на них честно. Но было в этом человеке что-то такое, что располагало к откровенности — быть может, его собственная отстранённость, обещающая отсутствие осуждения, а быть может, та искра, которую она ощутила, когда их руки соприкоснулись.

— Я искала дым, — сказала она наконец. — В этом вине есть привкус дыма, но не простого, не от сожжённой древесины. Это дым от костра, в который бросили сушёные травы. Розмарин, может быть, или шалфей. И я пытаюсь понять, откуда он взялся. Виноград не мог впитать запах костра. Бочка, в которой выдерживали вино, могла быть обожжена, но тогда дым был бы другим — более грубым, более прямолинейным. А здесь... здесь что-то тонкое, почти неуловимое. Как воспоминание.

Она замолчала, сама удивляясь тому, как много сказала, и посмотрела на Адриана. Тот слушал её с выражением, которое она могла бы назвать голодом — если бы речь шла о еде. Но он смотрел не на неё, а словно бы сквозь неё, и в его тёмных глазах плясали отблески свечей, придавая им почти демоническое выражение.

— Как воспоминание, — повторил он медленно. — Вы правы. Запахи, вкусы — это самые сильные проводники в прошлое. Я знаю это лучше, чем кто-либо другой.

— Почему? — спросила Элиана, чувствуя, что они подошли к какой-то границе, за которой начинается территория, куда её, возможно, не приглашали.

— Потому что я живу очень долго, — ответил Адриан, и в его голосе не было ни хвастовства, ни намёка на шутку. — Достаточно долго, чтобы воспоминания стали моей главной пищей. И поверьте, когда воспоминаний становится слишком много, начинаешь цепляться за любую возможность почувствовать что-то настоящее. Что-то, что не является отголоском прошлого.

Элиана отставила бокал и подалась вперёд, опираясь локтями на стол. Теперь она разглядывала его лицо вблизи, и то, что она видела, одновременно пугало и завораживало её. Его кожа была не просто бледной — она имела тот особый оттенок, который бывает у очень старых вещей, у мраморных статуй, у луны в безоблачную ночь. А под ней, где-то на висках и на шее, действительно пульсировала голубоватая сетка сосудов — слишком слабая, чтобы быть признаком жизни, и слишком отчётливая, чтобы быть игрой света.

— Кто вы, Адриан? — спросила она прямо, и её голос прозвучал тихо, но твёрдо.

Он выдержал её взгляд, не отводя глаз, и в этом взгляде она прочла ответ раньше, чем он успел произнести хоть слово. Это был взгляд существа, которое видело, как рушатся империи и

умирают эпохи, которое помнило времена, когда люди ещё не знали огня, и которое научилось скрывать свою природу так давно, что само почти забыло о ней.

— Вы уже догадались, — произнёс он негромко. — Я вижу это по вашим глазам. Вы слишком умны, чтобы обманывать себя, и слишком любопытны, чтобы сделать вид, что ничего не заметили.

— Я хочу услышать это от вас, — сказала Элиана, и её пальцы непроизвольно сжали ножку бокала с такой силой, что она едва не треснула.

Адриан помолчал. Потом взял со стола её бокал — тот самый, из которого она только что пила, — и поднёс его к своему лицу. Вдохнул аромат вина, и на его лице отразилось сложное чувство, в котором смешались тоска, желание и что-то ещё, чему Элиана не могла подобрать названия.

— Вы любите вино, — сказал он, не отвечая на её вопрос. — Вы чувствуете его душу. А я... я любил его когда-то. Очень давно. Теперь я не могу его пить — мой организм не принимает ничего, кроме... — он сделал паузу, подбирая слово, — кроме того, что течёт в человеческих венах.

Он поставил бокал обратно на стол и посмотрел на неё в упор. Теперь его глаза не были просто тёмными — они казались бездонными, как два колодца, уходящих в самую сердцевину земли, и в их глубине что-то двигалось, что-то живое и древнее.

— Я вампир, Элиана. И я прошу прощения за этот театральный эффект, но я не знаю другого способа сказать правду, не прибегая к экивокам. Я тот, кто пьёт кровь, чтобы существовать. Тот, кто не стареет, не умирает от болезней и может быть убит лишь несколькими способами, которые я, из соображений самосохранения, не стану перечислять. Тот, кто сидит сейчас напротив вас и думает о том, что ваше вино пахнет точь-в-точь как то, которое я пробовал в последний раз триста лет назад, в маленькой деревушке на юге Франции, где я встретил женщину, так похожую на вас, что у меня перехватывает горло.

Он замолчал, и тишина между ними стала почти осязаемой. Элиана слышала, как бьётся её сердце — слишком быстро, слишком громко, — и понимала, что он тоже это слышит. Слышит и, возможно, чувствует запах её крови, текущей сейчас чуть быстрее обычного. Ей следовало бы испугаться. Следовало бы закричать, позвать Брана, схватить что-нибудь тяжёлое и защищаться. Но вместо страха она ощущала странное, почти болезненное любопытство, смешанное с чем-то, что она не решалась назвать волнением.

— Триста лет, — повторила она медленно. — Значит, вы помните вкус вина триста лет спустя?

— Я помню всё, — ответил Адриан, и в его голосе прозвучала такая глубокая, такая безысходная тоска, что у Элианы сжалось сердце. — Каждый рассвет, который я больше не могу видеть без боли в глазах. Каждый вкус пищи, которую мой желудок отвергает. Каждое лицо, каждое имя, каждый разговор. Это проклятие памяти, Элиана. И это то, что отличает нас от людей не меньше, чем потребность в крови. Мы не можем забыть. Мы обречены помнить.

Она смотрела на него и видела теперь не чудовище, не монстра из страшных сказок, а бесконечно уставшее существо, которое несло на своих плечах груз столетий и не могло сбросить его ни на мгновение. И где-то глубоко внутри неё, в том месте, где рождаются самые неожиданные и самые истинные чувства, начала разгораться искра — маленькая, робкая, но невероятно тёплая.

— Вы сказали, что та женщина была похожа на меня, — произнесла она. — Что с ней стало?

Адриан отвёл взгляд. Его рука, лежавшая на столе, чуть дрогнула — впервые с начала их разговора она увидела движение, которое нельзя было назвать абсолютно контролируемым.

— Она умерла, — сказал он. — Как умирают все люди. Она прожила долгую жизнь, у неё были дети, внуки, она была счастлива. Я не стал её обращать. Я не мог лишиться её солнца, вкуса вина, тепла человеческих объятий. Я не мог обречь её на то, чем стал сам.

— Вы её любили? — спросила Элиана тихо.

— Да. И именно поэтому я ушёл.

Свеча на столе затрещала, и огонёк её на мгновение заметался, словно испуганная птица. Элиана протянула руку и поправила фитиль, хотя на самом деле ей просто нужно было чем-то занять пальцы, чтобы не потянуться к нему. Потому что в этот момент, глядя на его бледное лицо, на его тёмные глаза, полные вековой печали, она чувствовала, как внутри неё растёт желание коснуться его щеки, провести пальцами по его холодной коже и сказать, что не всё ещё потеряно, что даже в бесконечной ночи может быть свой рассвет.

— Адриан, — сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я не знаю, зачем вы подошли ко мне сегодня. Может быть, вам просто было одиноко. Может быть, вы хотели вспомнить вкус вина через моё восприятие. Может быть, вас привлёк запах моей крови — не знаю, чувствуете ли вы его так же остро, как пишут в книгах. Но я хочу, чтобы вы знали: я не та женщина из Франции. Я Элиана. Я живу здесь и сейчас. И если вы пришли за воспоминанием, то вы его не найдёте. Потому что я — не воспоминание. Я настоящая.

Он поднял на неё глаза, и в них впервые за весь вечер промелькнуло что-то похожее на удивление. А затем — медленно, неуверенно, словно пробуя давно забытое движение, — он улыбнулся. И в этой улыбке было больше жизни, чем во всех её предыдущих собеседниках вместе взятых.

— Вы правы, — сказал он. — Вы не воспоминание. Вы — нечто гораздо более опасное.

— Опасное? — переспросила она, приподнимая бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.